

Глава I НОВОБРАНЕЦ

Громкий и настойчивый сигнал тревоги прозвучал для Йорверта сущей райской музыкой, позволив ему наконец проснуться, вынырнуть из жуткого сна, в котором его истязали лютые демоны. Уже девять ночей кряду они приходили, когда он спал, и, не желая слушать его объяснений и оправданий, требовали от него подчиниться воле Темного Властелина, оставить самодеятельность и вернуться к выполнению своих обязанностей. Напрасно он клялся, что радеет исключительно об интересах Ан Нувина, напрасно умолял о разговоре с самим Властелином, чтобы изложить свое видение ситуации; демоны были непоколебимы, и единственное, что они хотели от него услышать, так это слова покорности и покаяния. Но Йорверт уже не мог отступить, не мог предать самого себя, своих убеждений. А самое главное — не мог огорчить Элвен. Ее разочарования он боялся сильнее, чем даже гнева Китрайла...

В небольшой пещере, освещенной лишь тусклым огоньком фонаря, было тихо и спокойно. Соседи Йорверта мирно спали, так как разбудивший его сигнал имел магическое происхождение и был слышен только ему. Он шел от охранных заклятий, установленных на дне ущелья, и свидетельствовал о том, что к их лагерю кто-то приближается. Не зверь, а человек — потому что заклятия были настроены реагировать лишь на людей.

Йорверт встал с тюфяка, служившего ему кроватью, надел сапоги, накинул подбитый мехом плащ и, подойдя к выходу из пещеры, отодвинул в сторону грубую дерюгу, пропитан-

ную, как и стены пещеры, специальными чарами, призванными удерживать внутри тепло.

В лицо ему дохнуло колючим морозным воздухом, от которого мгновенно околел подбородок и неприятно защепаило в носу. Вообще-то Йорверт был привычен к холодам, поскольку родился и вырос в Тир на н-Гале, считавшемся на Абраде северной страной с суровым климатом. Но только здесь, на Лахлине, он понял, что такое настоящая зима. Да и то еще не до конца — ведь сейчас был лишь конец гедрева, осеннего месяца¹. Страшно даже подумать, что делается здесь в рагвире и хвероде...

Нахлобучив на голову пушистую меховую шапку и надев рукавицы, Йорверт вышел из пещеры на заснеженное плато, окруженное с севера, запада и востока почти отвесными скалами высотой как минимум пятьдесят футов, а с южной стороны — широким и глубоким ущельем. На плато выходило пять пещер, в одной из которых разместились шестеро предводителей, две самые большие занимали рядовые повстанцы со старшинами-десятьниками, в четвертой хранились продовольственные припасы, а еще одна пока что пустовала — ее Йорверт оставил для местных колдунов, буде они отважатся присоединиться к восстанию. Он отыскал это место еще за неделю до того, как надзиратели Архарской каменоломни отравились якобы испорченным мясом (а на самом деле — чар-землем, изготовленным мастером Шоваром), что и позволило каторжникам поднять бунт. Прежде чем присоединиться к ним под именем Эйнара аб Дилана из Таркаррая, Йорверт хорошенько тут поработал, расширил и углубил пещеры, укрепив их чарами от возможных обвалов. А возглавив восстание, предложил остальным предводителям перенести сюда лагерь. После осмотра и недолгого обсуждения они сочли это предложение весьма уместным, так как здешние пещеры были вместительными и просторными, а само расположение плато превращало его в неприступную крепость. К нему вела единственная тропа, такая крутая и узкая, что по ней можно идти лишь вереницей, один за другим, поэтому для ее охраны

¹ Абрадский год делится на девять месяцев: *хверод* (зима), *аврон* и *белтен* (весна), *мегев*, *горфеннав* и *линас* (лето), *монфовир* и *гедрев* (осень), *рагвир* (снова зима). Во всех месяцах, кроме горфеннава, всегда 41 день; в горфеннаве — 40, в високосные годы — 41. Каждый месяц состоит из пяти недель, а неделя имеет восемь дней — *линнар*, *маир*, *кедын*, *мехер*, *дордын*, *гвинер*, *сатарн*, *довнах*.

хватало и десятка стрелков, способных преградить путь целой армии.

Разумеется, при обычных обстоятельствах это плато превратилось бы в ловушку для повстанцев — тут их было легко заблокировать, перекрыв единственный возможный путь поставки провизии, и в конце концов истощить голодом. Но Йорверт уже доказал повстанцам, что любые горы для него не помеха. Он конечно же остерегался исчезать у них на глазах, а потом появляться просто из воздуха; вместо этого прибегал к хитрости — при помощи левитационных чар забирался на верхушку самой низкой, восточной скалы и уже там, никому не видимый, переходил в Тындаяр. А возвращаясь с продуктами, сбрасывал свертки вниз, замедляя их падение, после чего спускался на плато сам. Кроме того, Йорверт понемногу пробивал туннель через гору, чтобы сделать дополнительный выход из лагеря, о существовании которого враги даже не подозревают. Это окончательно успокоило скептиков, обеспокоенных тем, как они будут выбираться отсюда весной, когда их наверняка возьмут в осаду...

Ночь была хоть и очень морозной, но тихой и безветренной. В чистом небе в отсутствие луны ярко сияли звезды. Посреди плато горел костер — на первых порах кое-кто из повстанцев возражал против такой беспечности, однако большинство согласилось с предводителями, что рано или поздно их лагерь все равно найдут, а нести ночное дежурство в темноте, не имея возможности хотя бы немного согреться, было слишком тяжело.

Вокруг костра сидели четверо часовых, а еще четверо прохаживались над самым обрывом, держа на изготовку ружья и настороженно всматриваясь вниз. При появлении Йорверта один из гревшихся у костра, высокий мужчина лет тридцати, поднялся и направился к нему.

Каждый, кто встречал Брадена аб Мейласа, с первого взгляда признавал в нем кадрового военного — и ничуть не ошибался. Еще три года назад Браден был лейтенантом лахлинской армии и служил заместителем командира роты, дислоцированной в Минтахе, на востоке Лахлина. Однажды вечером он неожиданно вернулся домой, хотя должен был дежурить до утра, и застал свою жену в объятиях любовника. Женщина бросилась к нему с банальными и нелепыми словами: «Это не то, что ты думаешь...» — но Браден оттолкнул ее в

сторону, выдернул из постели любовника и вышвырнул его через окно на улицу. Потом повернулся к жене, намереваясь сказать, что больше не переступит порог этого дома, и только тогда увидел, что она крайне неудачно упала и разбила голову о чугунную решетку камина.

Это был очевидный несчастный случай, еще и при смягчающих обстоятельствах, и Брадена наверняка оправдали бы, не окажись любовник его жены поборником, занимавшим заметную должность в Минтахском диоцезе Конгрегации. Свой полет из окна спальни на мостовую он оценил очень высоко, поэтому лейтенанта судили за умышленное убийство и только благодаря заступничеству его военных командиров не приговорили к казни. Браден получил пожизненную каторгу, два года работал гребцом на галере, а четыре месяца назад его перевели на Архарскую каменоломню, где он встретил Аврона аб Кадугана, своего бывшего учителя из Хангованской офицерской академии, осужденного за вольнодумие. Как раз с ними двумя Йорверт вышел на связь накануне отравления надзирателей и скоординировал дальнейшие действия. По их плану, в горы должны были отправиться только вероотступники (не важно, настоящие или ложно обвиненные) и узники вроде Финалаха, попавшие на каторгу из-за конфликта с поборниками. Однако красноречие профессора аб Кадугана сыграло с ним злую шутку — он говорил настолько убедительно, что к его аргументам прислушались и многие уголовники. Но в конце концов нет худа без добра, и присутствие среди беглецов отчаянных головорезов дало Йорверту возможность без лишних церемоний продемонстрировать свою грозную силу, раз и навсегда закрыв вопрос о лидерстве, а три десятка убийц, разбойников и грабителей, по-прежнему находившихся среди повстанцев, он держал в ежовых рукавицах, заставляя их выполнять самую тяжелую работу...

— Эйнар, вы слишком рано встали, — сказал Йорверту Браден. — Луна взойдет лишь через час.

По им же самим установленным правилам, каждую ночь на страже стоял один из предводителей повстанцев. Сегодня была очередь Брадена аб Мейласа, которого после восхода луны должен был заменить Йорверт.

— Я проснулся не поэтому, — ответил он, отметив про себя, что с каждым днем ему становится все проще имитиро-

вать лахлинский выговор. — Сработала моя сигнализация внизу.

Браден бросил в сторону ущелья быстрый взгляд и положил руку на пистоль, висевший у него на поясе.

— Нужно объявить тревогу!

— Пока не стоит, — спокойно произнес Йорверт, — я чувствую лишь одного человека.

— Разведчик?

— Скорее, шпион. Я так понимаю, что разведчиками для вас могут быть только военные. А они бы не стали никого присылать, потому что получили приказ не вмешиваться.

— Поборник ни за что бы не пошел один, — презрительно заметил Браден, — они же трусы, всегда ходят стаями.

— Может, это и не поборник, — сказал Йорверт. — Может быть, кто-то хочет присоединиться к нам.

Бывший лейтенант скептически хмыкнул:

— Надеетесь, что колдун?

— Да, надеюсь. Но выводы делать еще рано. Обождем, когда подойдет ближе. Если он колдун, то чувствует мои охранные чары и легко сможет определить, откуда они тянутся. Для него это будет словно указатель, который приведет его прямо на нашу тропу.

Браден неопределенно пожал плечами:

— Что ж, посмотрим.

Никто из предводителей, за исключением Аврона аб Кадугана, не верил, что к их восстанию присоединятся другие колдуны. Йорверт так и не понял — то ли они боятся этого, считая, что и один колдун для них перебор, то ли просто не хотят тешить себя напрасными надеждами на усиление отряда, а значит, на увеличение шансов в борьбе за свободу. Наверное, и того и другого было поровну...

Браден не стал настаивать на немедленном объявлении тревоги и согласился подождать, пока ситуация немного прояснится. Тем временем сигналы, продолжавшие поступать к Йорверту, все убедительнее свидетельствовали о том, что ночной гость шел не наугад, а уверенно приближался к тропе. Наконец он оказался перед первой из ловушек Йорверта, незаметных для обычных людей, но очевидных для любого колдуна, и впервые использовал активную магию, чтобы нейтрализовать ее. Это позволило оценить уровень его колдовской

силы, оказавшийся невысоким — скорее, из-за молодости и неумения, чем от природной ограниченности.

Впрочем, Йорверт и не рассчитывал на появление опытных коллег. Любой лахлинский колдун, счастливо избежавший костра Конгрегации, мечтал лишь об одном — как можно скорее убраться из этой страны, где его считают исчадием ада. Поэтому на Лахлине оставалась в основном молодежь, которой еще не хватало денег для переезда на Абрад. А такие, как Шовар аб Родри, были, наверное, редким исключением из этого правила. Мастер Шовар до сорока пяти лет присматривал за больными родителями, которые не могли — да и не хотели — никуда переезжать. А когда наконец собрался вместе с мастером Гарваном на Абрад, повстречал Элвен...

— Это колдун, — сказал Йорверт. — Теперь уже наверняка. Молодой колдун... или же девушка-колдунья.

Браден, который стоял рядом с ним над тропой, вившейся вниз по крутому склону и вскоре исчезавшей в непроглядной тьме, покачал головой.

— Дай Дыв, чтобы был парень. Большинство наших людей годами не видели живой женщины. Нам тут только девушки не хватало...

— Ничего, она не даст себя в обиду. Тот, кто посмеет ее тронуть, горько пожалеет о своей несдержанности. А для остальных это будет хорошим уроком. — Немного погодя, когда гость миновал вторую ловушку, Йорверт уверенно добавил: — Можете не волноваться, это точно парень.

— Вот и хорошо... — Браден с минуту помолчал. — Слушайте, Эйнар, вам не кажется подозрительным, что он так быстро откликнулся на наше восстание? А вдруг его подослали поборники? Возможно, они уже давно схватили этого парня, долго держали в тюрьме, жестоко пытали и наконец сломали, полностью подчинив своей воле. А теперь решили воспользоваться им как шпионом.

— Это исключено. Парень уже достиг того уровня силы и умения, чтобы не позволить поборникам захватить его в плен. Для своих представлений «очищения от скверны» им приходится довольствоваться беспомощными детьми, чей колдовской дар лишь только проявился, и обычными мужчинами и женщинами, которым приписывают владение чарами. Но вы правы, наш гость действительно может оказаться шпионом. Но не потому, что его сломали пытками, а из страха за род-

ных, которых поборники могли взять в заложники и угрожать их смертью. Но я с этим разберусь. Если его шантажируют, мы узнаем.

Браден аб Мейлас с пониманием кивнул. Ему и Аврону аб Кадугану было известно о Йорверте больше, чем остальным повстанцам. В частности, он рассказал им, что действует не один, а имеет трех сообщников-колдунов, поставляющих продовольствие, следящих за перемещением войск и собирающих информацию обо всех важных событиях во внешнем мире.

Парень поднимался вверх медленно, но уверенно, преодолевая все ловушки на своем пути. Наконец он приблизился на доступное для тренированного магического зрения расстояние, и Йорверт окончательно убедился в правильности своего вывода о юном возрасте колдуна. На вид ему было где-то лет четырнадцать, не больше, он невысок ростом и, очевидно, крепкого телосложения. Что касается последнего, Йорверт не мог судить наверняка из-за длинного плаща; все зависело от того, сколько теплых вещей под ним надето. А сам плащ, добротные сапоги, пушистая меховая шапка и кожаные перчатки свидетельствовали о том, что юноша отнюдь не из бедной семьи, скорее наоборот — из довольно зажиточной.

«Ставлю на то, что он сын какого-нибудь помещика, — подумал Йорверт. — Стиль одежды скорее сельский, чем городской... Но почему он пришел к нам? Почему просто не умыкнул у отца денег для переезда на Абрад? Неужели Браден верно догадался... Нет, глупости! Поборники не прислали бы к нам шпиона, чья одежда с первого взгляда вызывает подозрения».

Когда фигура парня начала постепенно вырисовываться из темноты, Браден вытащил свой пистоль, а двое часовых, которых он подозвал к себе, вскинули ружья. Заметив это, юноша настороженно замер, оперся рукой на обломок скалы и задрал вверх голову. Его взгляд был устремлен на Йорверта, в котором он уже распознал колдуна.

— Опустите оружие, друзья, — спокойно и уверенно сказал Йорверт. — Я все контролирую. — И махнул парню рукой, предлагая идти дальше.

Тот продолжил подъем и за следующие две минуты преодолел остаток пути. Остановился, переводя дыхание, смерил

быстрым взглядом Брадена и других часовых, а потом снова сосредоточил внимание на Йорверте.

— Я и не знал, что мы *светимся*, — произнес он немного хрипловатым то ли от природы, то ли от мороза голосом. — Я ведь тоже *свечусь*, правда? Только в зеркале этого не видно, так? — В его словах слышалась надежда.

Йорверт утвердительно кивнул:

— Никто не может увидеть собственную магическую ауру. И это хорошо, иначе она ослепляла бы нас, мешая колдовать. Значит, ты еще не встречал ни одного колдуна?

— Нет. Теперь уже знаю, что нет. Четыре года назад, когда я был в Дын Делгане, дядя Грайди водил меня на казнь колдуньи... но она не светилась магией. Я еще тогда заподозрил, что та женщина не колдунья, потому что она только умоляла о милости и не пыталась освободиться. А дядя утверждал, что это молитвы праведников лишили ее силы. Только я не ощущал действия тех молитв.

— И никогда не ощутишь, — заверил его Йорверт. — Так ты живешь недалеко от Дын Делгана?

— Нет, не совсем. На полдороге между ним и Касневидом. В Неяд Геврахе, это наше родовое поместье. Меня зовут Кыван аб Ридерх О'Миредах.

Острый слух Йорверта уловил, как один из часовых пробормотал себе под нос: «Вот те на, лорденок приперся!» Кыван, похоже, ничего не расслышал — или же притворился, что не слышит.

— С твоей стороны было неосмотрительно называться настоящим именем, — сказал Йорверт. — Мог бы что-нибудь придумать, как сделал я. Все здесь хорошо знают, что я никакой не Эйнар аб Дилан и мой родной город вовсе не Таркаррай. Но не обижаются, так как понимают, что я скрыл свое имя не из-за недоверия к ним, а заботясь о родных.

— И правильно, — одобрил юный Кыван аб Ридерх, состроив важную мину на своем еще детском лице. — Зато мне не о ком беспокоиться. Мои родители умерли, обе сестры тоже, а дяди с тетками отсуживают у меня поместье, чтобы разделить его между собой. Я продал все, что мог, собирался на Абрад, но услышал о вашем бунте...

— Восстании, — недовольно уточнил Браден. — Мы не бунтовщики, а повстанцы.

— Да, конечно, прошу прощения. Неделю назад до нас до-

шли слухи о восстании еретиков... то есть вольнодумцев, которое возглавил колдун Эйнар аб Дилан из Таркаррая. Вот я и решил проверить, правда ли это, а если да, то присоединиться к вам.

— Ты очень быстро нас нашел, — заметил Браден. — Подозрительно быстро. Поборники, кажется, все еще не разнюхали, где наш лагерь. А тебе как удалось?

Кыван засомневался и вопросительно посмотрел на Йорверта. А тот объяснил бывшему лейтенанту:

— Я же говорил, что позабочусь о магическом знаке для колдунов. Вы не обратили на мои слова внимания, потому что не верили, что кто-то придет. — И обратился к юноше: — Когда ты его заметил?

— Еще вчера утром. Когда начинал *присматриваться*, видел в небе желтоватый огонек. — Кыван на секунду запрокинул голову. — Сейчас он точно над нами. Я понял, что это неспроста, и поехал на него. А уже ближе к вашей горе заметил установленные по всему склону волшебные заговоры...

— Они называются заклятиями. Позже я дам тебе книжку, выучишь правильные термины, — сказал Йорверт. — А как ты миновал заставы поборников? Были проблемы?

— Да нет, никаких проблем. Они же высматривают тех, кто спускается с гор, и я легко проскользнул между их патрулями. А на случай, если бы наткнулся на них, держал наготове ошеломляющие чары.

— Этих ублюдков лучше сразу убивать, — отозвался часовой, перед этим бормотавший о «лорденке». Он люто ненавидел поборников, которые сожгли его жену и дочь по обвинению в колдовстве, а самого упекли на каторгу. — Нечего с ними нянчиться.

— Наверное, — согласился парень. — Только я еще никого не убивал. И не создавал чары для тихого убийства. А бросаться огнем... ну это было бы не совсем тихо и, боюсь, не очень метко. Зато ошеломлять я умею неплохо — в Неяд Геврахе частенько ходил в лес и тренировался глушить дичь. Однажды даже украдкой оглушил кузину Блодевед, а она потом жаловалась, что лишилась чувств из-за духоты.

— Если собираешься быть с нами, — произнес Йорверт, — тебе придется научиться убивать. Мы тут не в бирюльки играем... Кстати, почему ты вообще пришел к нам? Почему не поехал на Абрад?

— Потому что хочу сражаться с поборниками, — с искренним юношеским пылом ответил Кыван. — Хочу освободить от них Лахлин. Если мы победим, не придется никуда бежать.

Браден аб Мейлан удрученно вздохнул:

— К сожалению, о такой победе нам нечего и мечтать. Весной мы отправимся на западное побережье, там раздобудем корабль и поплывем на Абрад.

Кыван остро глянул на него:

— Тогда вы не повстанцы, а просто бунтовщики. Настоящее восстание имеет своей целью свержение тиранической власти, а не побег от нее... — Он мигом смутился, опустил глаза и переступил с ноги на ногу. — Извините за резкость, я не имею права упрекать вас. Все это время я жил в достатке, а вы страдали из-за своих убеждений. Мне стыдно за мои слова, они обидные и несправедливые. Я сказал так сгоряча, потому что ожидал от вашего восстания большего... Но все равно хочу остаться и помочь вам. Может быть, до весны вы передумаете. — Юноша снова посмотрел на Йорверта. — Вы согласны со мной, ведь так? Иначе не присоединились бы к восстанию, а поехали бы на Абрад. Потому и создали этот магический знак, чтобы колдуны знали, куда идти. Я, наверное, первый, да?

— Да, — подтвердил Йорверт. — Ты первый.

— Но не последний, — убежденно произнес Кыван. — Будут и другие колдуны. Много колдунов — пусть только весть о восстании разлетится по всему Лахлину. Тогда мы станем огромной силой!

— Что ж, посмотрим, — сдержанно сказал Йорверт. — И хватит тут торчать, пойдем в пещеру. Ты же, наверное, замерз и устал. Идти было далековато.

— Собственно, я ехал. Коня оставил в полутора милях отсюда. — Кыван еще раз окинул взглядом небольшое плато. — Боюсь, тут ему нет места. Тогда можете зарезать его на мясо... Хотя жаль, хороший конь. Попрыгунчиком зовут.

— Нам не нужна конина, — успокоил его Йорверт. — У нас достаточно говядины и свинины. А о твоём Попрыгунчике я позабочусь. Как его найти?

По дороге в пещеру юноша рассказал, что стреножил своего коня в ложбине неподалеку от входа в ущелье. А в теплой и уютной пещере Йорверт предложил ему раздеться и зажег яркий магический свет, немедленно разбудивший остальных

четверых предводителей. Услышав о пополнении рядов повстанцев юным колдуном, они, еще полусонные, засыпали Кывана целым градом вопросов. Он отвечал им уже без запальчивости, а спокойно, взвешенно и рассудительно. В частности, когда Аврон аб Кадуган поинтересовался, на каких основаниях родственники отсуживают его наследство, Кыван объяснил:

— Мой отец привез мою мать с Инис Клигана, она была простолюдинка, да еще бесприданница, и мой дед не дал своего позволения на этот брак. Но отец не послушал его и женился, а после смерти деда они с мамой подтвердили свои брачные клятвы. К тому времени я уже родился, поэтому дяди с тетками всегда считали меня бастардом. Когда отец умер, они обратились в суд в Дын Делгане, и местный судья их поддержал. Его решение пока что не вступило в силу, так как мой защитник направил апелляцию в Королевский суд, но из этого ничего не выйдет...

Самым подозрительным из всех предводителей оказался сорокашестилетний Фьяхран аб Ойшин, опальный проповедник, который в свое время имел неосторожность предположить, что колдовской дар не является грешным по сути и его можно поставить на службу людям (разумеется, под жестким контролем Конгрегации). Он задавал парню коварные вопросы, стремясь сбить его с толку, но Кыван ни разу не запутался в ответах, не противоречил себе, как это случается, когда человек врет и ему приходится придумывать дополнительные подробности на ходу.

Примерно через час Аврон аб Кадуган заметил, что их новобранец выглядит усталым, и предложил отложить разговор до утра, когда тот немного отдохнет. Кыван, к тому времени уже подкрепившийся хлебом с ветчиной, очень обрадовался этим словам, немедленно улегся на предложенный ему тюфяк и мгновенно уснул. Четверо предводителей, включая Брадена, уже закончившего свое дежурство, также улеглись спать, а Йорверт, чей караул как раз начинался, и старый профессор-вольнодумец вместе вышли из пещеры в морозную ночь.

— Умный юноша, — сказал Аврон аб Кадуган. — Очень умный.

— Еще бы, — пожал плечами Йорверт; для него это было очевидно. — Глупые колдуны на Лахлине не выживают. Что-

бы избежать малейших подозрений, нужно быть и умным, и хитрым, и крайне осторожным.

— Так вы уверены, что он не шпион?

— Почти уверен. Но проверить его историю не помешает. Утром встречусь с моими товарищами и попрошу их все выяснить. Пошел бы прямо сейчас, но должен дежурить.

— Я вас подменю, — предложил профессор, на что Йорверт и рассчитывал. — Все равно сегодня уже не усну. Чем быстрее мы убедимся, что парню можно доверять, тем лучше... А он сильный колдун?

— Потенциально сильный, хоть и неумелый. Но это не беда. Он умен, поэтому быстро научится. К весне станет отличным бойцом.

— Вот и хорошо, бойцы нам не мешают. А тем более бойцы-колдуны... По правде говоря, Эйнар, я тоже не очень верил, что к нам присоединится хотя бы один колдун. Будь они готовы сражаться за свободу Лахлина — уже давно подняли бы восстание. А так каждый из них только и мечтает о побеге на Абрад.

— До сих пор они не могли объединиться, — сказал Йорверт, как говорил это много раз. — А наше восстание дает такой шанс. Колдуны пойдут к нам, потому что не будут бояться, что это какая-то хитроумная ловушка поборников. Кыван только первая ласточка, поверьте мне...

Закончив разговор с профессором, Йорверт сообщил остальным часовым, что оставляет их под руководством Аврона аб Кадугана, и начал спускаться по тропинке в ущелье. А когда из лагеря его уже не могли увидеть, перешел через Тындыяр в большую пещеру, расположенную под северным склоном Шан Хвайр, самой большой горы Архарского хребта. Именно сюда Шовар аб Родри и Гарван аб Малах приносили пищевые припасы и различные товары, которые Йорверт заказывал для повстанцев. На этот раз никаких пожитков тут не было, только под стеной стоял большой сундук, защищенный чарами от влаги и плесени, а на нем лежала записка. Она была от мастера Гарвана.

Как вы и просили, сегодня посетил Карсаллог. Много расспрашивать не пришлось, на улицах только и разговоров что о вчерашней попытке разбойников во главе с неизвестным колдуном похитить Марвен и Грайне вер Киннах. Этот замысел провалился, старшего из разбойников, Рагнала по прозви-

щу Дикий, схватили. Колдуну удалось убежать. Девочки целы и невредимы, их корабль уже продолжил плавание.

Надеюсь, что сообщил вам хорошие новости.

Г. М.».

«Конечно, хорошие, — довольно подумал Йорверт. — Просто замечательные! Фейлан, хоть и ужасный трус, все-таки не подвел. Все сделал правильно...»

Теперь ведьмы окончательно убедятся, что соратники Ярлаха аб Конала нацелились на Катерлах и пытаются не пустить ведьмака Бренана аб Грифида на престол, поддерживая кого-то из его соперников. Собственно, для этого должно было хватить и отравления короля Энгаса, но Йорверт решил подстраховаться. Было очень важно отвлечь внимание ведьм от событий на Лахлине, занять их другими хлопотами, и Катерлах представлялся идеальной наживкой. Страна из Минеганской Пятерки, на которую покушаются черные, — да при одной мысли об этом взбесится любая ведьма!

«Пусть они ищут врагов в Катерлахе, подозревая всех подряд. Главное, чтобы не надумали вмешаться в лахлинские дела и все нам испортить. А если очень повезет, то и Моркадес вер Риган прервет свою миссию в Кередигоне и поедет до самого Катерлаха. Старейшим трудно будет найти ей равноценную замену...»

Открыв сундук, Йорверт достал оттуда красный поборнический мундир со знаками различия декана (то есть десятника — поборники по неизвестным причинам очень любили использовать лейданские термины и в этом были похожи на ненавистных им колдунов), черные штаны с красными лампасами и алый плащ. Несколько дней назад, во время одной из разведывательных вылазок, он напал на патруль поборников, убил всех пятерых патрульных и забрал одежду того из них, кто был ближе ему по комплекции. А теперь представился удачный случай воспользоваться этой формой.

Переодевшись, Йорверт прицепил к поясу кобуру с пистолем (оружие тоже было трофейным), после чего перешел на дно ущелья и довольно быстро разыскал коня, на котором приехал Кыван. Попрыгунчик оказался сильным, горячим и одновременно послушным жеребцом гнедой масти; на нем была старенькая, но качественная и крепкая сбруя, а к седлу приторочена кожаная сумка.

Исследовав чарами ее содержимое, Йорверт обнаружил в ней лишь одежду и три книги — наверное, самые дорогие для Кывана, которые он не захотел оставлять родственникам. Денег, вырученных от продажи имущества, не попавшего под судебный арест, нигде в сумке не нашлось. Очевидно, парень держал их при себе — зашитыми в пояс или что-то вроде того.

«И правильно, — подумал Йорверт, окутывая Попрыгунчика чарами, призванными успокоить животное перед переходом в Тындаяр и защитить от губительного воздействия Темной Энергии. — Хотя разумнее было бы вообще не упоминать о деньгах, а в сумку положить худенький кошелек с парочкой золотых и несколькими сребрениками...»

Погрузившись вместе с конем в подземный мир и пройдя полторы сотни шагов на юго-восток, Йорверт оказался неподалеку от сорок третьей мили Делганско-Касневидского тракта. Тут ему пришлось потратить около четверти часа на ориентацию, но наконец он нашел скопление зданий, одного большого и нескольких поменьше, вокруг которых тянулась крепкая ограда, скорее всего, каменная, с широкими воротами и тремя боковыми калитками.

Это походило на усадьбу сельского лорда — кем, собственно, и являлся Кыван аб Ридерх. Йорверт вышел на поверхность за полмили оттуда, на пустынном участке тракта, сел на Попрыгунчика и двинулся в противоположном от усадьбы направлении, к небольшой деревеньке, которую заметил, обследуя из Тындаяра местность. Разумеется, его приняли бы и в господском доме — на Лахлине не отказывают в гостеприимстве поборникам, даже если они появляются посреди ночи. Но там наверняка узнают коня Кывана — а выдумать убедительную историю, как он сменил хозяина, будет непросто. Поэтому Йорверт решил поехать в деревню, навеститься в самый большой двор и без лишних церемоний расспросить заспанных хозяев о здешнем помещике и его родственниках.

Впрочем, до деревни он так и не добрался, встретив на полдороге четырех здешних жителей — сорокалетнего мужчину с тремя юнцами, которых тот назвал своими сыновьями. Возможно, они впрямь были родственниками, однако Йорверт очень сомневался, что эти четверо в глухую и морозную ночь вышли просто прогуляться. Наверное, подстерегали какого-нибудь одинокого путника, чтобы ограбить его, и, увидев издали Йорверта, приняли его за лакомую добычу. Но при

приближении разглядели форму поборника, и весь их боевой пыл мигом улетучился. Даже самые отчаянные разбойники (а что уж говорить об обычных сельских бандитах) предпочитали не связываться со всемогущей Конгрегацией.

Йорверт спросил у них, где тут поблизости можно найти приличное место для ночлега. Как он и рассчитывал, старший мужчина почтительно и немного робко ответил, что достойный господин недавно пропустил поворот на проселочную дорогу, ведущую в Неяд Геврах, усадьбу местного лорда. Йорверт поинтересовался, что это за лорд такой, и слово за слово вытянул из крестьян историю о юном Кыване аб Ридерхе и его конфликте с отцовскими братьями и сестрами. Также он узнал, что в середине монфовира Кыван прогнал всех родственников со своей земли, запретив им возвращаться до решения суда (очевидно, решь шла о решении Королевского суда, так как дело в суде Делганского княжества юноша к тому времени уже проиграл). Из всего услышанного следовали два важных вывода: во-первых, Кыван рассказал о себе чистую правду; а во-вторых, он не любил никого из родных и не поддался бы на шантаж поборников.

Развернувшись, Йорверт погнал коня в другую сторону. Рвение крестьян не дошло до того, чтобы они бегом сопровождали его, и это было их счастье, потому что у Йорверта уже руки чесались прикончить всех четверых. Но они были вежливы, не навязывались ему, поэтому он, отдалившись от них на три сотни шагов, спокойно перешел в Тьндаяр, отвел Попрыгунчика в пещеру под Шан Хвайр и оставил его там вместе с запиской для мастера Гарвана, в которой просил найти для коня хорошую конюшню, где за ним будут заботливо ухаживать. А сам, переодевшись в свою повстанческую одежду и прихватив сумку Кывана с вещами, уже другим путем, через верхушку восточной скалы, вернулся в лагерь.

Как и полтора часа назад, ночной караул возглавлял Аврон аб Кадуган. За это время к нему присоединился Фьяхран аб Ойшин, который после разговора с Кываном не смог заснуть, все еще будучи исполненным глубоких подозрений по отношению к юноше. Йорверт рассказал обоим предводителям, что обнаружил коня в указанном Кываном месте и прошел по его следам несколько миль. Все свидетельствовало о том, что сюда он ехал в одиночку, без постороннего сопровождения.

— Но это еще не значит, — заметил преподобный Фьяхран, — что во всем остальном он говорил правду. Поборники могут держать его на крючке. Я знаю их лучше, чем все вы вместе взятые. Они подлые, коварные и беспринципные, для них нет ничего святого. — Возможно, раньше Фьяхран аб Ойшин был умеренным вольнодумцем, однако каторга превратила его в отчаянного еретика, и больше всего на свете он ненавидел поборников, считая их настоящими прислужниками Китрайла. — Я уже говорил уважаемому профессору, что в прошлом Конгрегация часто манипулировала колдунами, взяв в заложники членов их семей или других близких им людей.

— Да, я знаю, — сказал Йорверт. — А еще мне известно, что это давало возможность королям в любую минуту обвинить непокорных руководителей Конгрегации в попустительстве колдунам. Поэтому в тысяча сто двадцать восьмом году Поборнический Совет принял постановление, которым категорически запрещал вести переговоры с колдунами и привлекать их к сотрудничеству. Вы же сами понимаете, отче, что наш король Имар только и ждет законного повода, чтобы нанести удар по верхушке поборников. Айвар аб Фердох ни за что не отважится на такой рискованный шаг.

— Он не отважится, — согласился Фьяхран аб Ойшин, — но другие... Вы глубоко заблуждаетесь, юноша, если полагаете, что в Конгрегации существует единый центр принятия решений.

— Я так не думаю, — заверил его Йорверт. — И в принципе допускаю, что ваши подозрения могут оправдаться, хотя и считаю это маловероятным. Тем не менее я собираюсь проверить парня. С утра возьму его с собой в разведку и дам ему несколько возможностей ударить меня в спину. Если Кывана подослали поборники, он обязательно этим воспользуется.

Аврон аб Кадуган одобрительно кивнул. Слова Йорверта он понял так, что к тому времени товарищи уже выяснят, сотрудничает ли Кыван с поборниками, и в случае утвердительного ответа на этот вопрос юношу ждет быстрый и суровый суд. Йорверт тоже не исключал, что ему придется убить парня, но по другой причине.

— Что ж, хороший замысел.

— Хороший, но опасный, — сказал бывший проповед-

ник. — Вы должны осознавать, Эйнар, что наше восстание держится на вас. Вправе ли вы так рисковать?

— Я ничем не рискую, отче. Кыван гораздо слабее меня, он ничего мне не сделает. А убедиться в искренности его намерений нам совершенно необходимо. Тогда вы сможете доверять ему, а я буду развивать его силу, научу многим полезным чарам, и тогда судьба восстания уже не будет зависеть от одного-единственного человека.

Преподобный Фьяхран признал, что это было бы замечательно, после чего стал настаивать на том, чтобы Йорверт хорошо выспался, ведь утром ему нужно быть отдохнувшим и собранным. Йорверт внял его доводам, отправился в пещеру, лег на свой тюфяк и где-то через полчаса все-таки смог уснуть. Его сон снова был полон разъяренных демонов...

Когда он проснулся, уже рассвело. В пещере предводителей никого не было, зато на плато собрались почти все повстанцы, чтобы послушать утреннюю проповедь Фьяхрана аб Ойшина. За время пребывания на каторге священник еще радикальнее пересмотрел свои религиозные взгляды и почти вплотную приблизился к южной доктрине, не воспринимая в ней только два постулата. Прежде всего, он отвергал учение о переселении душ и придерживался традиционных лахлинских представлений о вечном рае для праведников и вечном проклятии для грешников. Также преподобный Фьяхран отрицал южанский тезис о греховности (пусть и не смертной) любой магии, солидаризируясь в этом вопросе с позицией Духовного Совета Севера, который признавал грехом использование чар во вред людям, против Небес и на благо Ан Нувина.

«А что самое забавное, — подумал Йорверт, выходя из пещеры на свежий утренний воздух, — по этой формулировке не все черные чары являются априори злыми. Правда, до Элвен еще никому не удавалось владеть Темной Энергией и одновременно отказываться служить Властелину...»

Около семи десятков человек, преклонив колени, молились. Едва ли не самыми ревностными среди них были уголовные преступники, нашедшие утешение в вере и искренне, всем сердцем воспринявшие учение преподобного Фьяхрана, дававшее им надежду на прощение Дыва и спасение бессмертной души от адских мук.

Остальные повстанцы расположились немного в стороне,

просто слушая слова проповедника. В основном это были убежденные вольнодумцы, у каждого из которых имелись свои религиозные воззрения, но всех их объединяло одно — они считали, что Великий Дыв (если он, конечно, есть) не нуждается в демонстративных прославлениях и поклонении.

При появлении Йорверта от группы таких вольных слушателей отделился Кыван аб Ридерх и подошел к нему. У юноши был достаточно бодрый вид для человека, весь предыдущий день и половину ночи пробиравшегося через горы. Впрочем, он, в отличие от Йорверта, имел возможность поспать крепким, спокойным сном, в котором не было ни одного демона...

— Доброе утро, Эйнар, — поздоровался с ним Кыван.

— Будь здоров, — ответил Йорверт. — Давно встал?

— Нет, не очень. Но успел тут немного осмотреться. Хорошее место для лагеря. Непрístupное. А дно ущелья — как на ладони. Когда поборники туда сунутся, их можно легко закидать камнями и огнем.

Йорверт кивнул:

— Как раз этого мы и ждем, но они нас еще не нашли. Впрочем, рано или поздно найдут, и тогда начнется потеха. Надеюсь, им хватит глупости притащить с собой пушки.

Юноша широко улыбнулся:

— Это впрямь будет роскошно! Одна меткая искра — и бочки с порохом взорвутся. Я частенько думал о том, как защищаться от поборников, когда они будут штурмовать мой дом. Только там я бы долго не продержался. А тут... — Он вздохнул. — Да и тут точно так же. К сожалению, я не умею забираться на такие отвесные скалы и не знаю, как добывать провизию.

— Ничего, научись. И быстрее, чем думаешь.

— Очень на это надеюсь, потому что пока от меня мало проку. Я едва поднялся сюда по тропинке, а если бы еще взял с собой сумку... Кстати, спасибо, что принесли мои вещи. А как там Попрыгунчик?

— Он уже в надежном месте.

— В каком?

— Потом расскажу, это долгая история. А сейчас у меня нет времени — нужно осмотреть окрестности. Обычная утренняя разведка.

— Мне с вами можно? — вполне прогнозируемо спросил Кыван.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Йорверт. — Практика тебе не помешает.

Он решил не ждать, когда повара закончат молитву и сварят на завтрак кашу, поэтому отвел парня в пещеру-кладовую и разогрел чарами несколько кусков жареного мяса, оставшегося после вчерашнего ужина. Они наспех позавтракали, выпили по полкувшина молока (повстанческий рацион не предусматривал наличия хмельных напитков), после чего вернулись на плато и в обход молящихся двинулись к тропинке. По дороге их приветствовали, смотрели им вслед заинтригованными взглядами, однако никому и в голову не приходило о чем-то расспрашивать. Йорверту быстро удалось добиться уважения повстанцев, но о каких-либо дружеских чувствах с их стороны даже речи быть не могло. Они предпочитали поменьше общаться с ним, а если возникали какие-то проблемы, обращались к другим предводителям.

— И не мечтай подружиться с ними, — сказал Йорверт, начав вместе с Кываном спуск по тропе. — Для них ты навсегда останешься чужаком. Они будут тебя слушаться, но никогда не полюбят.

— А мне показалось, они вам доверяют, — заметил юноша.

— Да, доверяют. Но выбор у них невелик — или положиться на меня, или сдать поборникам. Те, кто выбрал второе, уже неделю болтаются на виселицах.

— Знаю. Я видел двоих на Делганском тракте. На груди у них висели таблички с надписью «Бунтовщик».

— То-то и оно. А живые не рвутся составить им компанию. Тем более что остальных ожидает не виселица, а костер — ведь их объявили еретиками и пособниками колдуна. Поэтому им *приходится* мне доверять. Ничего другого им просто не остается. А со временем станут доверять и тебе. — «Если, конечно, ты вернешься с этой прогулки живым», — добавил про себя Йорверт. — Даже будут радоваться, что нас теперь двое. Дважды все равно не сожгут, а чем больше колдунов, тем выше шансы на спасение.

— Нас будет много, — твердо произнес Кыван. — До весны мы соберем целую армию колдунов.

— Я тоже на это надеюсь. — Йорверт решил, что можно

уже не скрывать своих истинных планов. — Армия не армия, но отряд должен набраться. Возможно, целая рота.

— Первая колдовская рота нового, свободного Лахлина, — подхватил юноша. Йорверт не видел его лица, так как шел впереди, но был уверен, что он мечтательно улыбается. — А сотня колдунов стоит целой армии. С такой силой нам будет по плечу уничтожить Конгрегацию и посадить на престол короля-колдуна... Гм. Хотя, наверное, это слишком смело. Радикально.

Йорверт одобрительно хмыкнул:

— Хорошо, что ты это понимаешь. Мы не соберем столько колдунов, чтобы противостоять и Конгрегации, и королю. К счастью, сейчас на троне сидит не фанатик Святой Веры, а Имар-вольнодумец, который ненавидит поборников чуть ли не больше, чем мы.

— Думаете, он станет на нашу сторону?

— Открыто — нет. Но нам и не нужны его слова поддержки. Главное, что у нас общая цель — отстранение от власти поборников. Уже одно это делает нас союзниками...

Поскольку при дневном свете вся тропинка хорошо просматривалась с плато, Йорверту пришлось спуститься до самого дна ущелья, а потом отвести Кывана еще на две сотни шагов в сторону, пока они не оказались вне поля зрения повстанцев.

— А сейчас я тебе кое-то покажу, — сказал он серьезным тоном. — Это самые могущественные чары из всех, которые ты когда-либо встретишь. Их мощь заключается не в их силе, а в предоставляемых ими возможностях.

Юноша сосредоточенно посмотрел на него и кивнул. Он был взволнован таким предисловием, но не выказал и тени страха. Наоборот, чувствовалось, что ему не терпится познать обещанное могущество.

Хотя Кыван был колдуном, а значит, мог выдержать суровые условия Тындаяра, Йорверт наложил на него защитное заклятие. Затем крепко взял его за руку, а в следующее мгновение их обоих окутала непроглядная тьма, до предела насыщенная Темной Энергией.

— Почему я ничего не вижу? — озадаченно произнес юноша. — Это что, какая-то хитрая маскировка?

— Нет, — ответил Йорверт. — Мы просто переместились в

Тындаяр. Ты, наверное, слышал о нем. Это подземный мир, верхний уровень Ан Нувина.

Он ожидал от Кывана бурной реакции на это известие — возмущенных выкриков, ругани, проклятий, требований немедленно вернуться в земной мир. Однако парень молчал и не шевелился, только его рука, которую держал Йорверт, напряглась, почти окаменев. А через минуту снова расслабилась.

— Значит, поборники правы, — прозвучал из темноты его подавленный, исполненный отчаяния голос. — Мы все отродья Китрайла. А я надеялся... я ведь так надеялся, что это ложь...

«Вот так просто, — подумал Йорверт. — Слышите, проклятые демоны! Он уже готов к вербовке, достаточно немного надавить — и сломается. Я мог бы прямо сейчас подарить Властелину нового слугу. А после него — еще многих. Но вы отказывались меня слушать, для вас важнее формальное послушание, бездумное исполнение всех ваших приказов... Так дудки вам!»

У них с Элвен была договоренность, что каждого колдуна, присоединившегося к повстанцам, Йорверт попытается привлечь на службу Ан Нувину, а в случае решительного отказа сделает вид, что это было всего лишь испытание, и предложит ему другой путь — тот, которым пошли Шовар аб Родри и Гарван аб Малах. Но после всех ночных кошмаров с участием демонов Йорверт решил пропустить свою часть договора.

— Брось эти глупости, парень! — сурово произнес он. — Мы такие же дети Дыва, как и другие люди.

— Но Тындаяр...

— И что Тындаяр? Разве тебя не учили, что вся безграничная Вселенная сотворена Всевышним? В отличие от многих других религиозных догматов это чистая правда. Великий Дыв сотворил все сущее — в частности, и Тындаяр. И даже весь Ан Нувин.

— Его захватил Китрайл!

— Да, захватил. Именно *захватил*. Китрайл тут не хозяин, а просто захватчик. Ан Нувин не принадлежал ему испокон веков, в начале времен он был частью Царства Дыва. И наконец нашелся человек — молодая женщина, девушка, — которая восстала против Темного Властелина. Ей было всего одиннадцать лет, она была еще ребенком, когда бросила вы-

зов Китрайлу на его же территории и отобрала у него часть власти, часть силы. — Внутри у Йорверта все просто тряслось от страха. Если эти слова сейчас слышат демоны, то предыдущие ночные ужасы покажутся ему невинной детской страшилкой по сравнению с тем, что ожидало его в следующую ночь... — Сквозь защитные чары ты должен чувствовать, как вокруг тебя бурлит энергия. Обычно ее называют Темной — ну и пусть, название не имеет значения. Как и все во Вселенной, Темная Энергия также является творением Дыва. Другое дело, что Китрайл наложил на нее свою грязную лапу. А разве это грех — забрать у вора то, что он добыл нечестным путем?

— Ну... наверное, не грех, если направить полученную силу на добро, — ухватился за эту мысль, словно за спасительную соломинку, Кыван. — И не служить Китрайлу, не подчиняться ему, а бороться против него, против тех, кто на самом деле служит ему, творя на земле зло.

«Элвен, я выполнил половину твоей работы. Надеюсь, ты оценишь это...»

— А мы и боремся. Против Конгрегации, которая сеет ненависть и раздор, тем самым прислуживая Китрайлу. Наша борьба его бесит, он просто сходит с ума от злости, поэтому присылает ко мне демонов с угрозами. Но я их не слушаю, не подчиняюсь им и продолжаю бороться.

«А может быть, это правда? Может, из-за того они наседают на меня — ведь поборники, сами того не понимая, играют на руку Ан Нувину, поэтому представляют для Властелина куда большую ценность, чем несколько десятков новых черных колдунов...»

— И вы убиваете тех демонов?

— Нет, еще ни одного не убил. Они остерегаются являться во плоти, а приходят ко мне во сне. Но тебе не стоит этого бояться.

— Почему?

— Потому что у тебя чистая и невинная душа, она остановит демонов. А я натворил в жизни много плохого и лишь недавно стал на путь искупления.

«Очень удачный ход! Теперь я — кающийся грешник...»

— О-о... — сочувственно протянул Кыван. — А ведь вы ненамного старше меня.

— Почему ненамного, на восемь лет. Просто на вид я ка-

жусь моложе. И этих восьми лет, разделяющих нас с тобой, мне вполне хватило, чтобы наделать множество глупостей... Но я не хочу об этом вспоминать. Мои грехи остались в прошлом; мне посчастливилось встретить людей, указавших мне дорогу правды, чести и света. Они необыкновенные колдуньи, сам увидишь.

— Так вы не один? Есть и другие?

— Да, есть. Я уже говорил тебе о женщине, восставшей против Китрайла. С самого начала у нее было двое верных последователей. Я стал третьим, а ты, если захочешь, будешь четвертым. Только не спеши с ответом, сейчас мы пойдем к ней, вы поговорите, и тогда ты примешь решение. Держись за меня, чтобы не заблудиться. И ничего не бойся.

Юноша крепко схватил его локоть, и они двинулись сквозь тьму на юго-восток. Как всегда, потоки Темной Энергии безошибочно указывали Йорверту правильный путь.

— А куда мы идем? — через несколько шагов отозвался Кыван.

— В Хангован.

— Так далеко...

— На поверхности это далеко, а здесь рукой подать. Тындаяр сокращает расстояния в тысячу раз.

— Ого!

— Как раз это я имел в виду, говоря о самых могущественных чарах, — продолжал Йорверт. — По моему убеждению, в мире нет большей власти, чем власть над пространством и временем. А Тындаяр дает и то, и другое — сокращая расстояния, позволяет выигрывать время. Как ты считаешь, разве мог Дыв сотворить это специально для Китрайла?

— Наверное, нет, — ответил парень. А после недолгих раздумий спросил: — Тогда и на Абрад можно быстро попасть?

— Разумеется. Без лишней спешки я добираюсь до побережья Кередигона за четверть часа. Но там не так безопасно, как тут. Наша госпожа установила контроль над всей областью Тындаяра, расположенной под Лахлином, и прогнала отсюда демонов. — Это была просто гениальная выдумка мастера Шовара; впрочем, у Йорверта сложилось впечатление, что сам доктор в нее искренне верит. — К сожалению, дальше ее власть пока не распространяется. Под Абрадом есть риск наткнуться на какого-нибудь демона. Хотя мне они еще не попадались.

— Понятно... А вы не пробовали обратиться к абрадским колдунам? Ну чтобы они помогли в нашей борьбе. Или им все равно, что на Лахлине убивают их братьев?

— Судя по тому, что это длится уже много столетий, им действительно все равно. А многие из них даже усматривают в этом пользу, потому что пример Лахлина показывает остальному миру, к каким страшным последствиям приводит запрет колдовства.

— Но ведь Абрад большой, — настаивал Кыван. — Там должны найтись и сочувствующие нам колдуны. Конечно, я понимаю, что их пугает Лахлин, им страшно оказаться во враждебном окружении, за сотни миль от ближайшей цивилизованной страны. Однако Тындаяр все меняет...

— И только ухудшает ситуацию. Не думай, что на Абраде все так замечательно, там есть свои проблемы. Если на Лахлине прислужниками Китрайла объявляют всех подряд колдунов, то в абрадских королевствах этот ярлык вешают на каждого, кто владеет Темной Энергией. Это все ведьмы виноваты — во времена Мор Деораха они не смогли захватить Тындаяр, но не хотели, чтобы он достался колдунам, поскольку это, как я уже говорил, дает огромное могущество. Поэтому они навязали всему миру мысль, что Темной Энергией могут овладеть лишь черные колдуны. Возможно, именно из-за такого дурацкого суеверия до сих пор никто не отважился восстать против власти Китрайла над Тындаяром, никто не рискнул взять без его разрешения Темную Энергию и обратиться к ней на добро. А кто берет, обязательно подчиняется ему и становится черным колдуном.

— А если обратиться к этим черным?.. — Парень заколебался, сам испуганный дерзостью своего замысла. — Если их просто *использовать* в наших целях?

— Мы пытались, но ничего не вышло. Темный Властелин запрещает им вмешиваться в лахлинские дела. Так-то.

К этому времени они уже преодолели путь от Архарских гор до Хангована и остановились под центром столицы. Йорверт сосредоточился на королевском дворце и отправил условный сигнал. К сожалению, даже доступ к Тындаяру не позволял общаться на больших расстояниях, как это делали ведьмы при помощи своих почтовых чар. Поэтому Йорверт не мог заранее предупредить Элвен, что нашел нового колду-

на, и только теперь, находясь в непосредственной близости от нее, получил возможность отправить ей весточку.

— Вот и все, — сказал он. — Остается только ждать. Как долго, не знаю. Но в любом случае нет смысла тут торчать. Поэтому...

Йорверт не договорил, так как в это мгновение из земного мира прибыло двое людей. По характерным вибрациям Темной Энергии он узнал Элвен и Шовара аб Родри.

— О, госпожа, мастер! Вы так быстро...

— Час назад Гарван доложил, что нашел в пещере коня, — прервал его нежный и властный голос Элвен. — Я сразу догадалась, что появился первый новобранец, и была наготове. Приветствую вас, сударь.

Парень догадался, что обращаются к нему, и учтиво произнес:

— Для меня большая честь встретиться с вами, сударыня. Кыван аб Ридерх О'Миредах к вашим услугам.

— О'Миредах? — переспросила Элвен. — Я знаю в Шогайрине многих О'Миредахов. Вы из которых?

— Я принадлежу к младшей, делганской ветви нашего рода. О нас вы, наверное, не слышали.

— Почему же, я... Но об этом позже. Продолжим наш разговор в другом месте. Вы знаете, куда идти, лорд Й... Эйнар?

— Да, госпожа, — ответил Йорверт.

— Тогда идем.

Все четверо перенеслись в земной мир и очутились в скромно меблированной комнате небольшого двухэтажного дома, расположенного в небогатом, но и не слишком бедном районе Хангована. Этот дом содержался на государственные средства, его официальные хозяева, престарелая глухая супружеская чета, обитали на первом этаже и носы не совали на второй, который под вымышленным именем снимал Гарван аб Малах — здесь он проводил тайные встречи со своими городскими осведомителями.

Девушка смерила Кывана пристальным, испытующим взглядом, а юноша в ответ просто впился в нее глазами. Элвен нельзя было назвать совершенной красавицей, однако ее мягкая, кроткая красота производила на большинство мужчин ошеломляющее впечатление. И Кыван тут не был исключением.

— Сколько вам лет, лорд Кыван?

— Четырнадцать, госпожа. Уже ближе к пятнадцати.

— А мне шестнадцать, ближе к семнадцати. Не такая уж и большая разница... Кстати, меня зовут Элвен вер Кайлем. Из рода О'Шехлайн.

— О! — Парень мгновенно сориентировался, и на его лице застыло выражение безграничного удивления. — Княжна Шогайринская?!

Мастер Шовар неодобрительно покачала головой. А Йорверт произнес:

— Госпожа, я не думаю...

— Я знаю, что делаю, лорд Эйнар. На доверие отвечаю доверием, как и должно быть в кругу уважающих друг друга людей. У лорда Кывана нет никаких оснований сотрудничать с нашими врагами. Теперь он знает о наших возможностях и понимает, что мы способны уладить любые проблемы с его родными, близкими и друзьями.

Кыван утвердительно кивнул:

— Да, леди Элвен, я понимаю. Но меня никто не шантажирует. Собственно, и нет через кого, потому что я потерял всех, кто действительно был мне дорог, — и отца с матерью, и обеих сестер, умерших еще в младенчестве.

— Сочувствую вашему горю.

— Благодарю, госпожа.

Элвен снова взглянула на Йорверта:

— Значит, лорд Кыван успешно прошел испытание?

Йорверт отрицательно качнул головой:

— Я не стал этого делать. Он бы все равно не поддался. Поэтому я сразу рассказал о вас.

— Извините, — вмешался парень, — а какое испытание?

— Мы договорились, — пояснила Элвен, — что каждого нового колдуна лорд Эйнар будет приводить в Тындаяр, выдавая себя за черного колдуна и предлагая заключить договор с Китрайлом.

— Ясно... — В его глазах Йорверт заметил страх; похоже, Кыван испугался, что вполне мог уступить. — Я очень рад, что лорд Эйнар не стал... ну что он счел меня достойным доверия.

— Только для тебя я не лорд Эйнар, а просто Эйнар, — предостерег его Йорверт. — Я уже говорил, что это ненастоящее имя. А остальным повстанцам лучше не знать о моем знатном происхождении.

— Ну ладно, — сказала Элвен. — Лорд Кыван, я хочу пого-

ворить с вами с глазу на глаз. А вас, господа, — обратилась она к Йорверту и мастеру Шовару, — прошу подождать.

Взяв парня за руку, Элвен отвела его в соседнюю комнату и закрыла за собой дверь, наложив на них глушительные чары. А Йорверт, оставшись с Шоваром аб Родри, стал расспрашивать о последних событиях в Ханговане.

Новостей было немного. Двоюродный брат короля, семнадцатилетний принц Лаврайн аб Брogan, ставший после смерти отца наследником престола, потихоньку налаживал отношения с радикально настроенными поборниками. По всей видимости, он пытался занять в их сердцах место покойного принца Брогана, и это стало неприятной неожиданностью для Имара, прежде считавшего Лаврайна осторожным и умеренным юношей.

Подчиненные Монроя аб Кодвала, секретаря Священной Канцелярии по вопросам чистоты вероучения, продолжали тайные собеседования с несколькими королевскими слугами, оказавшимися уязвимыми для давления из-за мелких грешков членов своих семей. Гарван аб Малах внимательно за этим следил и держал ситуацию под контролем.

Вчера на очередном пленарном собрании Поборнический Совет отклонил королевский закон о повышении платы офицерам и старшинам Вооруженных Сил. Имар предполагал, что так случится, поскольку предлагал изыскать необходимые для этого средства за счет сокращения расходов на содержание региональных Дворцов Святой Веры. Поборники прекрасно понимали, что такое решение поднимет волну недовольства среди военных, но не могли поддержать королевское предложение, так как знали, что Имар приказал своим министрам подготовить еще несколько законов, призванных ограничить финансирование Конгрегации.

Что касается столичных слухов об их восстании — или, как его называли, «архарского бунта», — тут все оставалось без изменений. И хангованское дворянство, и простые горожане не придавали ему значения, будучи убежденными, что поборники быстро управятся с бунтовщиками. Присутствие среди повстанцев колдуна почти никого не волновало — большинство людей искренне верили, что молитвы праведников остановят любые чары.

— Ну пусть только попробуют пойти против нас с молитвами, — сказал Йорверт, выслушав мастера Шовара. — Мы им